

ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ:

БОЛЬШЕ ВСЕГО ЛЮБЛЮ РОССИЮ, А ИДЕАЛЬНОЙ СТРАНОЙ СЧИТАЮ ИЗРАИЛЬ

— Русский художник, дворянин по происхождению, православный по вероисповеданию, согласился на предложение Шерлинга стать художником-постановщиком первого спектакля КЕМТа «Черная уздечка белой кобылице» — на еврейскую тему, в еврейском театре, на языке идиш? Согласитесь, это было необычно. Как вы познакомились с Юрием Борисовичем?

— Однажды он позвонил мне по телефону. Представился директором Камерного еврейского музыкального театра. Ни о Шерлинге, ни о его театре я вообще ничего не знал и повесил трубку — решил, что меня разыгрывают. Но Юрий Борисович позвонил еще раз. Я не пожелал разговаривать с незнакомым человеком, к тому же на такую странную тему — еврейский театр. В России?! Но вечером следующего дня Шерлинг снова позвонил — уже не по телефону, а в дверь моей мастерской. Настойчивость этого человека (подчеркиваю, настойчивость, а не навязчивость) вызвала уважение. А дальше... Беседа далеко за полночь. Я услышал подробности о театре, о самом Шерлинге. Поразило, заинтересовало, что меня приглашают художником-постановщиком не драматического спектакля, а оперы-мистерии, жанра у нас в то время малоизвестного. На следующий день я поехал к Шерлингу домой, чтобы послушать музыку этой оперы. Юрий Борисович играл главные темы на пианино, напевал арии, показывал хореографические номера, в которых ему удалось передать особенности древней еврейской пластики. То, что я услышал и увидел, было правдой. Это меня заворожило. Привлекло и то, что Юра, не в пример другим, категорически решил не покидать Россию, хотя на Западе ему безусловно был обеспечен успех. «Я — московский парень с улицы Горького, — сказал он мне, — и никто не заставит меня уехать отсюда».

— Сколько вам потребовалось времени, чтобы войти в тему?

— Еврейской историей, философией, религией я интересуюсь давно, с произведениями Иосифа Флавия знаком еще с первого курса академии. У меня дома хранилась «Еврейская энцикло-

педия» Брокгауза — Ефрона. Вместе с двухтомником Иосифа Флавия я подарил ее Юрию Борисовичу. Но, приступая к работе над оперой, стал дополнительно изучать еврейский фольклор, декоративное искусство.

— Отношение к вашему участию в этом спектакле оказалось неоднозначным...

— Да уж! Из Нью-Йорка даже прилетел раввин Шнаер. В Америке забеспокоились, узнав, что «русский националист», который «душит еврейскую культуру», работает с еврейским театром. Шерлинг привел Шнаера ко мне. Я не почувствовал в нем ортодокса. Он с интересом рассматривал православные иконы на стенах моей мастерской. Мы долго беседовали об исторических судьбах еврейского народа. Он отметил, что я в этих вопросах достаточно сведущ и не нашел во мне антисемита.

— А как же приписанный вам образ «националиста»?

— Разве я виноват, что люблю Россию?! На открытии моей юбилейной выставки в Манеже ко мне подошла какая-то бабища, из «советских», спросила: «Вам не нравится демократия, вы монархист, а какую страну вы любите и считаете идеальной?». Я ответил: «Больше всего люблю Россию, потому что я — русский. Идеальной же страной считаю Израиль. Там церковь не отделена от государства, в кнессете сидят люди, заинтересованные в крепости государства, а не такие, как в нашей Думе, забочающиеся прежде всего о своем благополучии. В израильских школах и вузах изучают реальную историю. У нас же правдивых учебников истории нет. В учебниках для детей — только подумайте! — пишут: Петр Первый любил Меньшикова, потому что оба были гомосексуалистами».

— Две тысячи лет люди несли в душе слова псалма: «Пусть отсохнет моя правая рука, язык мой прилипнет к гортани, если я забуду тебя, Иерусалим!» У нас прошло всего 85 лет, и тот, кто скажет: «старая Москва», «государь Николай Второй», — уже дурак и националист.

— Илья Сергеевич, а на премьере вы присутствовали? Ведь она прошла в Биробиджане — театр был приписан к этому городу. Даль-то какая!

— Конечно, присутствовал! Приехал туда накануне спектакля и ужаснулся — по дороге в Биробиджан часть декораций потеряла, часть испортили. Пришлось всю ночь восстанавливать.

— Как вас потом в Моск-

ФОТО ВАЛЕРИЯ ПЛОТНИКОВА

ве встретили? — Долгое время прокатывали на выборах в Академию художеств СССР. Не могли простить успеха моих выставок, зверели, когда видели очереди у Манежа: я украл у них успех, такой-сякой, само-рекламщик со своей Святой Русью. В очередной, седьмой, раз один из академиков, считавший себя коммунистом и интернационали-

том, кстати, еврей, заявил: «Так оформить спектакль в еврейском театре мог только сионист. Но мы-то знаем: Глазунов — русский. И я голосую «против», потому что через него в нашей стране определенно действует сионистское подполье». А другой академик объявил меня «расистом и звериным антисемитом».

— И вам не помог имидж русского патриота, русо-

фила, монархиста, националиста?

— Антисемит — это тот, кто борется с еврейством, ненавидит его. Я же всю жизнь борюсь за русскую культуру. И, в меру своих сил, помог возрождению в России культуры еврейской. Какой же я, черт возьми, националист?!

В России речь, в первую очередь, должна идти о

борьбе не с антисемитизмом, а с антирусизмом. Это главный нерв, рождающий все: и преступность, и антисемитизм, и неонацизм.

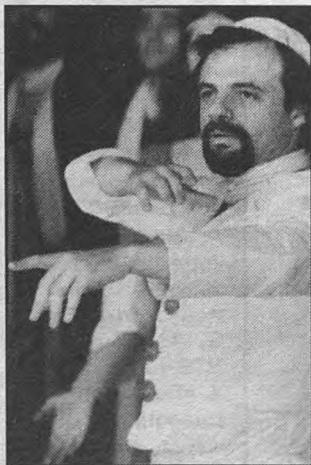
Слов хороших, правильных говорится уйма. Но делать надо, а не говорить! Вот они (показывает на своих учеников Владимира Штейна и Катю Скоробачеву) — за Русь. Подвижники! Катя, студентка пятого курса, чудная, умная, талантливая, получает стипендию три доллара в месяц. Зарплата Владимира Штейна, заведующего кафедрой Академии, потрясающего художника, выпустившего свой альбом, — около 70 долларов. А тюбик краски стоит 20 долларов! Но не за эти же гроши мы стараемся! Восстанавливаем все вместе это вот здание, и уже превратили его в лучшую в мире Академию живописи, ваяния и зодчества! У нашего государства денег на развитие русской культуры, к сожалению, нет. И это во всем проявляется. Как-то мне позвонили: «Приходите на ТВ защищать Левитана! Исполняется сто лет со дня его смерти». Спрашиваю: «От кого защищать? Такого художника! Гения!». Отвечают: «В «Коммерсанте» написано, что таких левитанов с его восторженными русскими березками у нас пруд пруди...».

— А как вы относитесь к искусству авангарда?

— Однажды ко мне в мастерскую привезли итальянцев. Они спросили: «Почему вы отторгаете авангард? Малевича, Кандинского, других авангардистов?». Я им говорю: «Скажите, кто из вас хочет, чтобы любимую женщину, мать, отца нарисовали в виде черного квадрата?». В ответ гробовое молчание. «Так почему же вы думаете, что могучая стихия революции может быть выражена в черном квадрате? Или в трех палочках? Или в перевернутой сковородке, прибитой гвоздем к стене?».

— Меня повсеместно бьют за идею возрождения самобытности, самодостаточности русского народа, русской культуры. Последователей авангарда носят на руках, а приверженцев русского реализма — шпыняют, кому ни лень. Шерлинга шпыняют уже по инерции: не могут простить ему, что в советские времена, когда во имя интернационализма пытались перемешать все нации и сделать единственную — «советский народ», выдающийся еврейский художник выступил вдруг с идеей сохранить национальную культуру. Он совершил подвиг. Когда давилось все национальное (в том числе и русское — этого тоже нельзя забывать!), он создал национальный еврейский театр. В Иерусалиме один из просpektов должен быть назван его именем, но еврею-то как раз о Шерлинге забыли, стыдно за них.

Встречались
Майя НЕМИРОВСКАЯ
и Владислав ШНИЦЕР

Юрий Шерлинг